

БЮРО
«РАЗВОД»

КНИГА 3

Всё оформил
НА МЕНЯ

РОМАН КУБОВ

Роман Кубов

Всё оформил на меня

<https://litres.ru/74664133>

SelfPub; 2026

Аннотация

Бюро «Развод». Книга 3.

В ноябре муж попросил Майю Терехову сходить в МФЦ и получить электронную подпись — «только для налоговой, один раз, и я отстану». Через пять дней он подарил ей их трёхкомнатную квартиру. А в марте Майя получила требование на десять миллионов сто тысяч рублей и узнала, что квартира заложена её собственным ключом.

До четырнадцатого июля остаётся четыре месяца. Кредитор требует расчёта, чужая фирма охотится за остатками строительного склада мужа, а сама Майя уверена, что виновата во всём, потому что сама поставила три галочки и оставила пароль в общем ящике.

Бюро Киры Мещеряковой берётся за дело, от которого отказались три юриста. Чтобы спасти комнату дочери, им с прорабом Станиславом Веретенниковым предстоит найти девятидневную паузу в реестре и узнать, что муж годами оформлял на имя жены.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Вдова	9
Глава 2. Выписка	18
Глава 3. Ключ	26
Глава 4. Склад	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Роман Кубов

Всё оформил на меня

Пролог

Двадцатое ноября две тысячи двадцать четвёртого года, среда, четырнадцать десять.

МФЦ на Советской занимал первый этаж бывшего универмага: сорок кресел, табло с номерами, запах хлорки и мокрых ботинок, и очередь, в которой все молчат. Майя сидела прямо, положив руки на колени, и смотрела на табло так, как смотрят в окно поезда — не читая, ожидая остановки.

— Зачем я здесь? — спросила она в пятый раз.

— Чтобы поставить галочку, — сказал я. — Один раз, и я отстану.

— У меня работа через час.

— Успеем. У нас сорок седьмой, сейчас семьдесят второй.

Она промолчала. Она молчала так уже две недели — с того дня, когда я сказал, что школа сорвана. Не кричала, не спрашивала, деньги ли. Просто перестала рассказывать про лабораторию, а это было хуже крика: про лабораторию она рассказывала двенадцать лет, каждый вечер, по дороге домой.

Табло переключилось. Сорок седьмой, третье окно.

— Майя, — сказал я. — Посмотри на меня.

Она посмотрела. Глаза цвета крепкого чая и привычка не моргать, когда ей не нравится то, что говорят.

— Я не прошу тебя подписывать ничего про квартиру. Только про налоговую. ИП — это я, а отчётность сдают по доверенности, и каждый раз бегать к нотариусу по три тысячи. Подпись будет лежать на флешке в ящике. И всё.

— А если флешку украдут?

— Её нельзя использовать без пароля.

— А пароль?

— Пароль ты придумаешь сама, и я его не узнаю.

Это была правда. Она и осталась правдой: я не подглядывал, не спрашивал, не выуживал. Пароль я узнал через три недели, и не потому, что хитрил, а потому, что Майя сама написала его на листке и положила в ящик стола — боялась забыть, а ящик был общий, и листок лежал сверху, под салфетками. Она сама. Своей рукой. Из той же привычки, из которой оставляла ключи в замке с внутренней стороны: потому что так удобнее и потому что за двенадцать лет ни разу ничего не случилось.

Она встала и пошла к окну.

Я смотрел ей в спину и думал не про подпись. Я думал про школу номер сорок семь: сорок два класса, актовый зал, лепнина под охраной, которую нельзя трогать. Я выиграл подряд в ноябре, на второй линии, с дисконтом, от которого Коль-

цов сказал только одно слово: «Зачем». А в декабре заказчик сменил финансирование, и подряд не сорвали — его приостановили, а приостановленный подряд это то же самое, что сорванный, только ты ещё и платишь за аренду лесов.

Касса пуста. Зарплата восьми людям двадцатого числа. Материалы на семь миллионов уже куплены и лежат на ангаре на Огородной, и за них заплачено, и вернуть их нельзя, потому что резали по размеру.

Я не крал. Я закрывал дыру, в которую сам и полез, и у меня было два варианта: распустить бригаду или занять.

Она вернулась через одиннадцать минут с конвертом.

— Всё? — спросил я.

— Всё. Флешку выдали. Я поставила три галочки и два раза расписалась. Больше никогда.

— Спасибо.

— Не за что. — Она сунула конверт в сумку. — У меня работа через двадцать минут.

Мы вышли на Советскую. Шёл мелкий ноябрьский снег, который таял на асфальте и не таял на газонах, и Майя шла быстро, потому что опаздывала, а я шёл рядом и думал, что через семь месяцев всё будет закрыто, и она никогда не узнает.

Двадцать пятого ноября я подал заявление о регистрации дарения квартиры на её имя. Я хотел одного: чтобы если со мной что-то случится — или если сорвётся школа, что было вероятнее, — квартира была не моя. Жена и дочь не должны

отвечать за то, что я не рассчитал.

Двадцать седьмого регистрацию приостановили. Не хватало согласия на обработку персональных данных: я заполнял сам, ночью, на кухне, и пропустил одну подпись. Я узнал об этом на следующий день и не исправил — потому что исправление шло две недели, а деньги нужны были десятого.

Десятого декабря я занял девять миллионов пятьсот тысяч у Льва Борисовича Шастина. Тринадцать процентов, семь месяцев, под залог квартиры. Деньги пришли в тот же день, и двадцатого я закрыл зарплату, и двадцать первого бригада вышла на объект, и я впервые за месяц уснул без того, чтобы считать в потолок.

Договор залога подписала Майя.

Не я. Не подделка, не обман в том смысле, в каком это слово понимают потом, когда всё уже случилось. Кольцов подготовил документы на залогодателя, а залогодателем по документам была она, потому что дарение уже лежало в регистрации, и потому что я не мог подписать залог за себя, будучи заёмщиком: так не оформляют. Он сказал: «Подпишет собственник, а собственник по заявлению — она». Я сказал: «Она не знает». Он сказал: «Ты ей объяснишь, когда зарегистрируешь дарение. Срок семь месяцев, ты закроешь, никто ничего не увидит».

Я взял флешку из ящика. Я набрал пароль с листка под салфетками. Я поставил её подпись десять минут одиннадцатого вечера, на кухне, под чайник, который она поставила и

забыла выключить.

Я не думал, что ворую. Я думал: семь месяцев, школа откроется в феврале, аванс придёт, я закрою, она даже не увидит выписку.

Девятнадцатого декабря дарение зарегистрировали. Двадцать третьего зарегистрировали залог.

Двадцать восьмого декабря, в десять утра, у меня лопнула аневризма — врачи сказали, что она была у меня с рождения, и что могло случиться в любой день из тридцати девяти лет, и что я просто дошёл до своего двадцать восьмого декабря. Скорая приехала через одиннадцать минут. Я умер в больнице в четырнадцать сорок, не приходя в сознание, и Майя держала меня за руку все четыре часа, потому что приехала раньше врачей.

Я всё оформил на неё. Квартиру, долг, подпись, срок.

Она узнала об этом почти через четыре месяца после того ноябрьского дня в МФЦ — четырнадцатого марта, когда почтальон принёс письмо с требованием на десять миллионов сто тысяч и сроком до четырнадцатого июля. И первое, что она почувствовала, была не злость, которую я заслужил, а стыд — за то, что сама пошла в тот МФЦ, сама поставила три галочки и сама написала пароль на листке, который положила в общий ящик.

Я бы отдал всё, чтобы она злилась на меня.

Но я умер, а злиться на мёртвых трудно, и она пошла злиться на себя.

Глава 1. Вдова

Семнадцатое марта две тысячи двадцать пятого года, понедельник, без десяти девять.

В бюро пахло кофе и мокрой шерстью: Соня в феврале подобрала собаку, собака спала под вешалкой, и Зоя Ильинична говорила, что собаке в приёмной не место, а Соня отвечала, что собака в приёмной — это ровно то, чем мы занимаемся. Я не вмешивалась. За четыре года я научилась не вмешиваться в то, что не требует решения.

На столе лежал счёт. Двести сорок одна тысяча двести рублей: аренда за второй этаж выросла с января, и я до сих пор не привыкла к этой цифре. Зарплаты двести девять, налоги, и всё это шестнадцатого числа, то есть через тридцать дней.

Ника принесла журнал и положила передо мной.

— Там одна запись, — сказала она. — Я её не трогала.

— Какая?

— Двадцатое октября. Прошлый год.

Я посмотрела. Строчка была короткая: «20.10. Терехова М. — позвонила, не записалась, спросила, работаем ли мы с долгами умерших. Сказала: он всё оформил на меня. Перезвонить не просила».

— Я не забыла, — сказала Ника. — Я просто не знала, что с этим делать.

— Ты сделала правильно.

— А что теперь?

— Теперь она придёт.

Я закрыла журнал. Ровно в девять в приёмной щёлкнул замок — Ника всегда открывает ровно в девять, и за четыре года я ни разу не видела, чтобы она опоздала или открыла раньше.

Женщина вошла не сразу. Сначала она постояла на пороге, держа сумку двумя руками, потом переступила и встала у вешалки, и только потом посмотрела на Нику.

— Здравствуйте. Мне Киру Андреевну.

— Вы записаны? — спросила Ника.

— Нет. Мне сказали, что к ней можно без записи.

— Кто сказал?

Женщина помолчала. Ей было тридцать шесть, хотя в тот первый раз я бы дала меньше: узкое лицо, тёмные волосы, собранные на затылке, пальто, которое она не сняла.

— Олеся Круглова, — сказала она. — У неё завод на Северной. Она написала мне в феврале: «Присылайте тех, кому некуда идти».

— Откуда она узнала про вас?

— Из моего письма. Я писала ей в декабре, про материалы: у них своя металлообработка, а у Антона в ангаре лежало семь миллионов плитки и профиля, и я писала, не купит ли она хотя бы часть. Она не купила. А в феврале написала сама.

— Что именно она написала?

Майя достала из сумки четвёртый лист — сложенный вчетверо, с телефоном, написанным от руки.

— «Майя Геннадьевна, — прочитала она. — Я не куплю материалы: они резаны под ваш объект, и мне их не заложить, а вам не продать. Но если у вас есть бумага, которую вы подписали и не читали, — идите в бюро на Советской. Там берут тех, кому некуда идти. У меня так было. Олеся Круглова». — Она сложила лист. — Я шла к вам два месяца.

Я вышла из кабинета.

— Я Кира Мещерякова. Проходите.

Она прошла, села на край стула, сумку поставила на колени и не открыла. Руки у неё были небольшие, с коротко стриженными ногтями, и на указательном пальце правой руки — белая полоска, след от кольца, которое сняли недавно и которое оставило на коже границу.

— Пальцы, — сказала она, поймав мой взгляд. — Я работаю руками. Кольцо мешало, когда месила лепки. Сняла в январе.

— Вы зубной техник?

— Двенадцать лет. Лаборатория «Аркада».

— Как вас зовут?

— Майя. Майя Геннадьевна Терехова.

— Я вас слушаю, Майя Геннадьевна.

Она открыла сумку. Достала три бумаги, разложила на столе аккуратно, как раскладывают инструмент: по одной

линии, параллельно краю стола.

Первая — требование на бланке без всякого названия, только подпись и печать. Сумма десять миллионов сто тысяч рублей. Срок: четырнадцатое июля две тысячи двадцать пятого года. Вторая — выписка из реестра недвижимости об ипотеке: объект, кадастровый номер, залогодержатель, дата регистрации двадцать третье декабря. Третья — свидетельство о смерти.

Я читала медленно. Я всегда читаю медленно, потому что бумага, прочитанная быстро, потом возвращается.

— Муж умер двадцать восьмого декабря, — сказала она, пока я читала. — Аневризма. Ему было тридцать девять.

— Соболезную.

— Спасибо. — Она не опустила глаза. — Требование пришло в пятницу, четырнадцатого марта. Я его перечитывала три дня, всё воскресенье до ночи, прежде чем решиться прийти.

— Почему три дня ждали?

— Потому что думала, что это ошибка. Потому что думала, что если подожду, кто-нибудь позвонит и извинится. — Она помолчала. — Никто не позвонил.

Я отложила требование.

— Здесь сказано: девять миллионов пятьсот тысяч тело, триста двадцать восемь тысяч проценты, двести семьдесят две тысячи неустойка. Вы понимаете, откуда взялась неустойка?

— С декабря ничего не платили. Заём брал он. Я узнала о займе в марте.

— А квартира?

— Квартира моя. Он подарил её мне в ноябре. — Она подняла глаза. — И он заложил её десятого декабря. Мою квартиру. До того, как она стала моей, или после, я до сих пор не понимаю.

Вот оно. Три признака, по которым я узнаю наше дело, — все три в одной фразе: ставка тринадцать процентов, срок четыре месяца, и вина, которая лежит не на ней.

— Вы обращались к кому-нибудь?

— К трём юристам. Двое сказали, что залог зарегистрирован и снять его нельзя. Третий сказал, что можно, и попросил триста тысяч вперёд. У меня нет трёхсот тысяч.

— Откуда у вас есть?

— Сто пятьдесят. Это всё, что осталось от его страховки и от моей зарплаты за три месяца.

Я смотрела на неё и считала. Сто пятьдесят тысяч против десяти миллионов сто. Четыре месяца. Квартира тринадцать с половиной миллионов, залог на всю сумму, обращение взыскания во внесудебном порядке по исполнительной надписи — сейчас их ставят редко, но по залогу, зарегистрированному в реестре, механизм есть, и он не требует ничего разрешения, кроме бумаги.

— Майя Геннадьевна, — сказала я. — Где вы были десятого декабря?

Она моргнула.

— На работе. Я всегда на работе. У нас сдача двадцатого, и в декабре... — Она остановилась. — Подождите. Вы спрашиваете не то, что спрашивали остальные.

— Что спрашивали остальные?

— Где я была, когда он брал деньги. А вы спрашиваете, где я была, когда он подписывал.

— Потому что деньги он взял законно, а подпись — во-прос.

Она сидела неподвижно, руки на сумке, пальцы вместе, и я видела, как она считает — не деньги, а даты. Человек, который считает вслух, не соврёт про деньги; человек, который считает молча, не соврёт про даты.

— Я знаю, где я была десятого декабря, — сказала она. — Я была в лаборатории с восьми утра до семи вечера, у нас стояла полная съёмная дуга на четыре человека. Но это не поможет.

— Почему?

Она открыла сумку снова, достала тонкую папку и положила сверху. В папке был один лист: копия заявления о выдаче сертификата электронной подписи. Заявитель — Терехова Майя Геннадьевна. Дата — двадцатое ноября две тысячи двадцать четвёртого года. Подпись — её, настоящая, я узнала бы её по наклону даже без сравнения.

— Я пошла в МФЦ сама, — сказала Майя. — Двадцатого ноября, в два часа дня. Он сказал: для налоговой. Он сказал:

подпись будет лежать на флешке в ящике. Я поставила три галочки и расписалась два раза. И пароль я придумала сама.

Она подняла глаза, и я увидела в них то, от чего люди приходят к нам в последнюю очередь, а не в первую: ей было стыдно.

— Я сама, — повторила она. — Понимаете? Не подделали, не обманули, не втёрлись. Я сама. Если я скажу, что это не моя подпись, я совру. А если я скажу, что это моя, — я останусь без квартиры и без дочериной комнаты.

— Расскажите про двадцать восьмое декабря, — сказала я.

Она не удивилась. Она, кажется, ждала этого вопроса и боялась его одновременно.

— Он пошёл на объект. Школа номер сорок семь, на Огородной. У него был подряд на отделку, он его сорвал, вернее, ему его приостановили, а это одно и то же, только работу не оплачивают. Двадцать восьмого он поехал разбираться. Позвонил в десять, сказал, что болит голова. Я сказала: приезжай домой, выпей таблетку. Он сказал: сейчас. Через сорок минут позвонила женщина с объекта и сказала, что он упал. Скорая приехала через одиннадцать минут, хотя мне тогда казалось, что прошло полжизни. В больнице сказали: аневризма, с рождения, могло в любой день из тридцати девяти лет. Он не пришёл в сознание. В четырнадцать сорок всё кончилось.

Она замолчала.

— Я держала его за руку четыре часа, — сказала она. — И всё это время думала, что надо было заставить его лечь в ноябре, когда он первый раз пожаловался на голову. А в марте я поняла, что думала не про то.

— Про что же?

— Что если бы он лёг в ноябре, он бы не взял эти деньги в декабре. И не заложил бы квартиру. И я бы до сих пор думала, что у меня нормальный муж, а не человек, который поставил мою подпись на бумаге, которую я не читала.

За окном капало с крыши дома быта, и я слышала, как Соня спорит с Зоей Ильиничной, и как собака гремит поводком под вешалкой.

— Майя Геннадьевна, — сказала я. — Вы не первая, кто приходит к нам с тем, что сам поставил галочку.

— И чем это кончается?

— Тем, что мы читаем бумаги, которые вы не читали. Данила!

Он вышел из своей комнаты с папкой, как четыре месяца назад, когда мы впервые увидели Олесю Круглову в этом же кабинете. Только теперь он не останавливался в дверях и не ждал разрешения.

— Слушаю.

— Дело Тереховой, — сказала я. — Десять миллионов сто, срок четырнадцатого июля. Залог на квартиру. Заём взят десятого декабря, заёмщик умер двадцать восьмого.

Он посмотрел на Майю, потом на меня.

— Восемнадцать дней, — сказал он.

— Что?

— Восемнадцать дней между деньгами и смертью. Девять миллионов пятьсот за восемнадцать дней. Если он не успел их потратить, они где-то лежат.

Майя подняла голову.

— Материалы, — сказала она. — Плитка, профиль, два станка. В ангаре на Огородной, одиннадцать. Я не продала ничего, потому что не знаю, что можно продавать, а что он уже обещал заказчику.

Данила посмотрел на меня, и я видела, что он уже считает.

— Рассказывайте, — повторила я. — С самого начала. И не пропускайте дат.

Глава 2. Выписка

Восемнадцатого марта, вторник, десять утра.

Данила положил на стол три выписки, одну за другой, как карты. Он это делает всегда, и всегда в одной последовательности: сначала то, что есть сейчас, потом то, что было, потом то, что между ними исчезло.

Первая: выписка из реестра недвижимости об объекте. Заводская, три, квартира сорок четыре. Собственник — Терехова Майя Геннадьевна. Дата регистрации — девятнадцатое декабря две тысячи двадцать четвёртого года. Основание — договор дарения от двадцатого ноября.

Вторая: выписка об ипотеке. Залогодержатель — Шастин Лев Борисович. Дата регистрации — двадцать третье декабря. Договор залога от десятого декабря.

Третья: выписка о содержании правоустанавливающих документов. Она была длиннее первых двух, потому что в ней была не только бумага, но и то, что происходило с бумагой по дороге.

— Читай третью, — сказала я. — Вслух. С датами.

Данила читал.

— Двадцать пятое ноября. Заявление о регистрации договора дарения и перехода права. Заявитель Терехов Антон Петрович, в интересах Тереховой Майи Геннадьевны.

— Давай.

— Двадцать седьмое ноября. Приостановление государственной регистрации. Основание: не представлено согласие на обработку персональных данных участника сделки. Срок приостановления — до двадцать седьмого февраля.

Я села прямо.

— Повтори.

— Приостановление с двадцать седьмого ноября. Срок — до двадцать седьмого февраля.

— И что было девятнадцатого декабря?

— Девятнадцатого декабря — возобновление. Устранены основания для приостановления, регистрация проведена.

Я смотрела на три листа и считала. С двадцать седьмого ноября по девятнадцатое декабря регистрация стояла. Заявление о регистрации залога подано десятого декабря — в те дни, когда в реестре собственником всё ещё числился Антон Петрович, потому что дарение не прошло. Договор залога датирован тем же десятым декабря и подписан электронной подписью Майи Геннадьевны.

— Девять дней, — сказала я.

— Что — девять дней? — спросил Данила.

— Она подписала залог за девять дней до того, как стала собственником по реестру.

Данила смотрел на выписку, потом на меня, потом снова на выписку. Он умеет так смотреть: у него в голове в эту секунду идут два расчёта, один про деньги, другой про сроки, и он не произносит ни одного, пока не проверит оба.

— Это не значит, что залог недействителен, — сказал он наконец.

— Нет. Это значит, что регистрация залога проведена на основании документов, которых десятого декабря не могло существовать в таком виде. Залогодатель подписал залог до того, как им стал.

— Залогодатель — это тот, кому принадлежит вещь, — сказал Данила. — Он подписал договор десятого, а вещь стала его девятнадцатого. Формально договор может быть заключён под отлагательным условием.

— Может. Но заявление подано десятого, и в заявлении залогодателем указана она же. А в реестре на девятое декабря собственник — он.

Данила выпрямился.

— Выписку из реестра на девятое декабря мы можем получить?

— Римма скажет.

Римма стояла в дверях. Она вошла без стука, как всегда, и, как всегда, села без приглашения. Ей было пятьдесят девять, тридцать лет из них она проработала государственным регистратором, и я за четыре года ни разу не видела, чтобы она села, когда у неё не было что сказать.

— На девятое декабря получим, — сказала она. — Выписка о содержании правоустанавливающих документов даёт всю цепочку. Но вам не девятое декабря нужно.

— А что?

— Вам нужно заявление. — Римма положила на стол палец, короткий, с узлом на среднем суставе. — Двадцать седьмое ноября, приостановление. В выписке одна строка и две ссылки. А в деле регистрации — уведомление, и в уведомлении написано, чего именно не хватало и кто его получал.

— Кто получал?

— Вот именно. — Она сняла очки и протёрла краем кофты, хотя они не были грязными. — Приостановление направляется заявителю. Заявитель — Антон Петрович. Если он получил уведомление двадцать седьмого ноября, он знал, что дарение не прошло, когда десятого декабря подписывал залог её подписью.

Я смотрела на неё.

— Откуда ты знаешь, что подписывал он?

— Пока ниоткуда. — Римма надела очки. — Но я знаю, что человек, который получил уведомление о приостановлении, не может случайно перепутать дату на девять дней. Он мог перепутать всё остальное, а это — нет. Это он помнил.

Данила уже печатал.

— Запросим копию дела? — спросил он.

— Запросим, — сказала я. — Через запрос по объекту дадут не всё. Римма, у тебя остались люди?

— Остались, — сказала она, и я услышала, как она это сказала: не «да», а «остались», с той же интонацией, с какой говорят про дом, в котором больше не живёшь.

— Позвонишь?

— Позвоню.

Она встала и пошла к себе, и у двери остановилась, не оборачиваясь.

— Кира, — сказала она. — У неё дочь.

— Двенадцать лет.

— Вот. — Римма помолчала. — Когда я работала, я такие дела называла «с потолком». Потолок — это когда у человека есть жильё, и оно последнее, и после регистрации у него не будет ничего, и инструкция этого не различает. Инструкция различает бумаги.

— Ты хочешь сказать, что я должна это учесть?

— Я хочу сказать, что учту я.

— Расскажи мне про приостановление, — попросила я Римму.

— Что рассказывать?

— Всё. Как оно выглядит изнутри.

Она помолчала, потом села на подоконник — не потому, что устала, а потому, что так удобнее говорить.

— Приостановление это не отказ, — сказала она. — Это пауза. Регистратор видит, чего не хватает, и даёт срок. По общему правилу три месяца, если в заявлении не просят меньше. Здесь дали полный срок: до двадцать седьмого февраля. Всё это время заявление лежит, документы лежат, а в реестре — ничего. Ни записи, ни отметки. Снаружи это выглядит так, будто заявления не было вовсе.

— А если кто-то запросит выписку в этот период?

— Он увидит прежнего собственника. — Она помолчала.
— Вот это нам и нужно. Десятого декабря любой, кто запросил бы выписку, увидел бы Антона. А залогодателя проверяют всегда, это первое правило: сначала смотришь, чья вещь, потом — кто подписывает.

— Значит, Шастин должен был увидеть.

— Должен был. Но он частное лицо, а не банк. У частного лица процедура проверки — это то, что он сам себе придумал. Он посмотрел договор дарения, увидел дату двадцатое ноября, увидел подпись Майи на залоге и решил, что всё сходится. А между двадцатым ноября и девятнадцатым декабря лежала пауза, которой в бумагах не видно.

Она ушла. Данила смотрел ей вслед.

— Она сегодня какая-то, — сказал он.

— Она сегодня такая, потому что это её дело.

— Какое её?

Я не ответила. За четыре года Римма ни разу не произнесла вслух фамилию Соболева, и я знала это так же точно, как знала, что в её папке, которую она не открывает при людях, лежит выписка тысяча девятьсот девятнадцатого года выпуска — нет, две тысячи девятнадцатого, август, улица Гоголя, и женщина, которая потеряла квартиру за сутки. Я знала, потому что один раз, во втором году работы бюро, видела эту выписку на её столе, и Римма закрыла её рукой, и сказала: «Не сейчас».

— Данила, — сказала я. — Считай.

— Что считать?

— Сколько стоит квартира, сколько залог, и что останется Майе в худшем случае. И ещё: девять миллионов пятьсот тысяч, взятые десятого декабря. К двадцать восьмому декабря прошло восемнадцать дней. Куда делись деньги?

Он улыбнулся — коротко, без веселья.

— Вот это я уже начал, — сказал он. — И знаешь, что странно? Заёмщик умер через восемнадцать дней после получения денег. А материалы на семь миллионов закуплены и лежат на складе. И склад стоит целый.

— Ты съездил?

— Я съездил вчера вечером. Ангар на Огородной, одиннадцать. Замок новый, а не тот, что был при нём. Кто-то его сменил.

— Кто?

— Прораб. Фамилия Веретенников. Говорит, что держит склад, потому что обещал Антону.

— Считай, — сказала я Даниле.

Он положил передо мной лист.

— Заём девять миллионов пятьсот. Тринадцать годовых. Первый платёж двенадцатого января, он его внёс: сто три тысячи, это проценты. Больше ничего. Тело — ко дню окончания срока, десятого июля.

— Откуда ты знаешь про январь?

— Из требования. Неустойка считается с двадцатого января, значит, до этого платили.

— Дальше.

— Дальше: материалов на семь миллионов четыреста, станков на один миллион восемьсот, итого девять миллионов двести. Это если всё цело и если продавать по себе, а не по прайсу. Реально выручим миллионов восемь семьсот, в лучшем случае девятьсот.

— Ты сказал девятьсот.

— Я сказал восемь семьсот. — Он не улыбнулся. — Не хватает миллиона двухсот. Плюс проценты, плюс неустойка. Но если мы собьём неустойку и пересчитаем проценты на остаток, получится ровно столько же: миллион двести.

Я смотрела на цифры.

— То есть денег хватает, — сказала я. — Если они лежат на складе и если мы найдём их раньше, чем их продадут.

— Если они лежат, — поправил Данила. — И если прораб, который сменил замок, не решил, что они его.

Я посмотрела на часы. Половина двенадцатого.

— Поехали, — сказала я. — Сначала к ней. Заводская, три.

Глава 3. Ключ

Я привезла их к себе, потому что иначе нельзя было: Полина вернулась из школы в четырнадцать тридцать, и я не хотела, чтобы она слышала про залог, про проценты и про то, что её комната, может быть, больше не наша.

Кира Андреевна вошла в квартиру и первым делом посмотрела не на мебель, а на окна. Потом на розетки. Потом на дверь. Я поняла это только со второй минуты и удивилась: я ждала, что она будет смотреть на меня.

— Света много, — сказала она. — И потолки три десять. Это хорошо.

— Для чего хорошо?

— Для оценки, если дойдёт до описи. И для вас: тринадцать с половиной против залога в десять — значит, продавать будут всю, а не часть, и вам достанется разница. Слабое утешение, но оно есть.

Данила Рощин прошёл на кухню, постоял, вернулся.

— У вас есть ящик? — спросил он.

— Какой ящик?

— В котором лежат документы. Ключи, бумаги, то, что не выбрасывают.

— Есть, — сказала я. — В спальне. Он всегда лежал там.

Мы пошли в спальню. Я открыла ящик — тот самый, верхний, справа, — и первое, что я увидела, был листок в клетку

с четырьмя цифрами. Я смотрела на него и не могла понять, что это, хотя понимала всё, и понимала уже давно, с того самого вечера, когда почтальон принёс письмо.

— Что это? — спросила Кира Андреевна.

— Пароль, — сказала я. — От подписи. От флешки. Я написала его сама и положила сюда, потому что боялась забрать.

— Покажите.

Я протянула листок. Она посмотрела, не беря.

— Вы записывали его при ком-нибудь?

— Нет. Я писала ночью, он спал.

— А ящик запирался?

— Нет.

Она кивнула, как кивают, когда ответ совпал с ожидаемым, и от этого стало хуже, чем если бы она удивилась.

— Майя Геннадьевна, — сказала она. — Я не буду вас утешать. Вы поступили неосторожно, и это ваша доля. Но неосторожность не равна согласию. Одно дело — оставить ключ в замке, другое — сказать: берите всё, что хотите, и заложите мою квартиру. Между ними ровно то расстояние, которое мы сейчас будем доказывать бумагой.

— И часто такое доказывают?

— Я за четыре года взяла сорок одно дело. Из них двадцать восемь — про бумагу, которую подписали, не читав. Выиграно двадцать три. Остальные пять — не проиграны, а закончены иначе.

— Как?

— Сделкой. Иногда человеку нужны не ваши права, а его деньги. Если деньги находятся, права перестают спорить.

Флешка лежала там же, в коробочке из-под кольца. Данила достал её, посмотрел на корпус, положил обратно.

— Её нельзя вставлять, — сказал он. — Ни в один компьютер. Если мы её испортим или если на ней останется след, нам конец. Она пойдёт к специалисту в пакете.

— К кому?

— К тому, кто скажет, что сертификат, выданный двадцатого ноября, использовался десятого декабря с устройства, которое принадлежало вашему мужу. Удостоверяющий центр хранит это двадцать четыре месяца.

Полина пришла в четырнадцать тридцать ровно. Она вошла, сказала «привет», сняла ботинки и пошла к себе, и только в коридоре обернулась и спросила:

— Мам, а что случилось?

— Ничего, — сказала я. — Это по работе.

— Ты работаешь дома не по работе.

Она ушла к себе, закрыла дверь, и я поняла, что она поняла: дети, которые слышат, как мама говорит «ничего», знают это слово лучше, чем любое другое.

Вечером, когда они ушли, я села на кухне и попыталась посчитать. Сто пятьдесят тысяч. Зарплата сорок восемь, минус налог — сорок одна тысяча восемьсот. Квартплата, школа, кружок Полины, и Полина в шестом классе, и ей нужны

не кружки, а хотя бы чтобы я не плакала на кухне. Десять миллионов сто тысяч — это двести сорок две мои зарплаты. Четыре месяца — это четыре зарплаты.

Я считала до половины второго, а потом пошла в спальню, открыла ящик и смотрела на листок с цифрами, написанными моей рукой.

Галина Тимофеевна постучала в восемь утра. Она живёт напротив, пятьдесят четыре года, тридцать лет на той же площадке, и знает про нас всё, что можно узнать через стену и через почтовый ящик: когда Антон приходил пьяный (четыре раза за двенадцать лет), когда Полина болела, когда мы купили машину и когда продали.

— Май, — сказала она. — Ты как?

— Нормально.

— К тебе вчера приходили. Двое, мужчина и женщина, с папками.

— По работе.

— Я не спрашиваю, — сказала Галина Тимофеевна. — Я скажу. — Она помолчала. — Двадцатого ноября, в час дня, я видела, как вы собирались. Ты надела то серое пальто, а Антон всё время говорил по телефону, ходил по двору, курил. Ты вышла, он за тобой. Вы пошли к остановке вдвоём. Ты была без сумки, без пакетов — значит, не в магазин и не на работу, работа у тебя в другой стороне.

— И что?

— А то, что я помню, как он тебя уговаривал. Он говорил:

«Один раз, и я отстану». Я слышала из окна, я форточку закрывала, а они не закрыты до ноября у нас.

Я смотрела на неё.

— Вы запомнили фразу?

— Я запомнила, что ты не хотела. — Галина Тимофеевна вытерла руки о фартук. — Ты шла так, как идут, когда не хотят. Я это вижу, Май, я тридцать лет на площадке и шесть раз видела, как женщину ведут, а она не хочет.

— Он меня не вёл.

— Конечно не вёл. — Она вздохнула. — Но ты шла не сама.

Она ушла, а я осталась стоять в коридоре. Мне было тридцать шесть, я двенадцать лет делала коронки, которые никто не видит, и мне казалось, что я человек точный. А оказалось, что я человек, которого можно уговорить за одиннадцать минут, если он устал и если очень не хочет ссориться.

Я пошла на кухню и достала из ящика то, что осталось от Антона: ключи от ангара, два пропуска на школу сорок семь, блокнот с телефонами и доверенность на машину, просроченную в марте. Я перебирала это, как перебирают вещи человека, которого больше нет, и пыталась понять, в какой именно бумаге он перешёл ту черту, которую я не заметила.

Ключи от ангара были на одном кольце с ключами от квартиры. Две связки, одно кольцо, и на кольцо — бирка с надписью его рукой: «огород 11». Он не прятал. Он просто не думал, что это важно.

Я позвонила в ангар. Трубку взяли на седьмой гудок.

— Слушаю.

— Это Майя Терехова. Антон мне был мужем.

Молчание. Потом:

— Я знаю. Станислав. Я у него прорабом.

— У вас ключи от ангара?

— У меня.

— А замок?

— Замок я сменил, — сказал он. — В декабре, тридцатого.

— Почему?

Опять молчание. Я слышала, как у него там гудит — вентиляция или станок.

— Потому что через два дня после того, как его не стало, приехали двое, — сказал он. — Сказали, что долг. Я их не пустил.

— Кто они?

— Не сказались. Один сказал: хозяйка теперь вдова, с ней и разговаривайте. Я сказал: хозяйку я не знаю, а Антону обещал.

— Что обещали?

— Что материалы долежат до весны. — Он помолчал. — Они долежат. У меня на это ушло два с половиной месяца и новый замок.

Я смотрела на кольцо с биркой в своей руке.

— Станислав, — сказала я. — Я приеду.

— Приезжайте, — сказал он. — Только не одна. А то я вас не знаю, а вы меня не знаете, и получится, что я держал чужой склад два с половиной месяца неизвестно для чего.

Когда Кира Андреевна приехала во второй раз, я сказала ей про Галину Тимофеевну и про фразу «один раз, и я отстану». Она записала, не поднимая глаз, и долго не говорила ничего.

— Это хорошо, — сказала она наконец.

— Что здесь хорошего?

— То, что есть живой человек, который видел, как вас уговаривали. Свидетель нужен не для подписи — подпись ваша, и это не оспорить. Свидетель нужен для другого: чтобы было понятно, что вы не распоряжались своей подписью. Вы её дали, как дают ключ, чтобы открыли дверь, пока вы на работе. А ключом открыли сейф.

Она закрыла блокнот.

— Майя Геннадьевна, я берусь. У вас четыре месяца, и они идут с четырнадцатого марта, а не с сегодняшнего дня. Сегодня девятнадцатое. Осталось сто семнадцать.

— Сколько стоит?

— Сто пятьдесят тысяч плюс шесть процентов от того, что удержим. Если ничего не удержим — процента нет, только ставка.

— У меня есть сто пятьдесят.

— Они у вас есть до шестнадцатого числа. — Она помолчала. — И ещё одно. Я не возьму клиентку, которая счита-

ет, что виновата. Потому что человек, который считает себя виноватым, подписывает всё, что ему подсунут, — и на этот раз уже зная, что подписывает.

— А я не считаю?

— Вы считаете, что поставили галочку. Это разные вещи. — Она встала. — Я пойду. Данила останется, он опишет флешку и возьмёт у вас расписку за неё. А вы подумайте вот над чем: за девять дней до того, как стать собственницей, вы подписали залог. Кто-то должен был это заметить. И этот кто-то — не вы.

Она ушла. Я осталась на кухне, и Галина Тимофеевна заглянула через десять минут с чашкой, и сказала:

— Ну что, Май?

А я сидела и думала не про деньги и не про квартиру. Я думала про то, что он уговаривал меня одиннадцать минут на кухне в ноябре, и я согласилась, и всё, что случилось потом, началось с того, что я не захотела его расстраивать.

Тринадцать лет брака. Двенадцать лет лаборатории, где я делаю коронки с точностью до десятых миллиметра. И одна галочка, которую я поставила, чтобы он отстал.

Глава 4. Склад

Ангар на Огородной был из тех, которые строили в семидесятых для чего-то большого, а потом перестали использовать: две фуры встанут, ворота шириной пять метров, крыша из волнистого шифера, и внутри холоднее, чем снаружи, потому что бетон держит зиму всё лето.

Майя приехала с Кирой Андреевной. Она представила меня коротко: «Это Данила, он считает». Прораб посмотрел на меня так, как смотрят на человека, который пришёл проверять: не враждебно и не радостно, а с готовностью.

Ему было тридцать семь. Куртка со шнурком вместо молнии, руки в цементной пыли, которую не отмывают, а смывают, и короткие пальцы с чёрными линиями под ногтями — теми самыми, которые не отходят до первой бани.

— Станислав Веретенников, — сказал он.

— Данила Рошин.

Ворота Веретенников открывал не торопясь: снял навесной замок, отодвинул тяжёлый засов, затем второй, внутренний, который, как я понял по свежей сварке, поставил сам уже в январе.

Внутри пахло плиточным клеем и сухой штукатуркой. По левой стене стояли паллеты, закрытые плёнкой, — восемнадцать штук, я сосчитал на ходу. По правой — профиль в связках, по сорок штук в связке, двадцать две связки. В глу-

бине, под брезентом, угадывались станки.

— Это всё, что куплено на заём? — спросила Кира Андреевна.

— Всё.

— А что куплено не на заём?

Прораб не ответил.

— Я спрашиваю, потому что если часть куплена на другие деньги, её в зачёт не возьмут, — пояснила она. — Мне нужно знать границу.

— На другие деньги куплен крепёж, — сказал он. — Пятьсот тысяч, я платил со своей карты, чек есть. Остальное — на те.

— Откуда вы знаете?

— Я сам возил. — Веретенников шагнул к крайнему поддону и отогнул плотную плёнку с торца. — Десятого декабря деньги пришли на расчётный счёт. Одиннадцатого Антон перевёл семь миллионов четыреста поставщику, я был с ним в машине, он звонил, торговался, добил скидку в два процента. Двенадцатого и тринадцатого мы принимали машинами. Я ставил подпись в накладных.

— Накладные сохранились?

— У меня в машине. — Он посмотрел на Майю. — Я не бухгалтер, но я у него десять лет. Я знаю, что подписываю.

Майя стояла у паллеты и не прикасалась к ним. Она смотрела на плёнку так, как смотрят на вещь, которая стоила человеку жизни: не с сожалением, а с попыткой понять, стоила

ли.

— А станки? — спросил я.

— Два. — Он пошёл в глубину, откинул брезент. — Плиткорез с подачей и станок для заточки. Брали бэу, в ноябре, у закрывшегося цеха. Один миллион восемьсот за оба, вместе с доставкой.

Я подошёл, посмотрел шильдики, сверил номера с тем, что было в моей распечатке. Год выпуска две тысячи восемнадцатый, наработка средняя, один из двух в идеале.

— Сколько они простоят здесь до лета? — спросил я.

— До лета простоят. До осени — нет: подшипники, сырость, зимой здесь минус.

— То есть продавать надо до сентября.

— До сентября, — подтвердил он.

Кира Андреевна ходила вдоль паллет и не задавала вопросов. Она так делает: сначала смотрит, потом спрашивает, и от этого её вопросы всегда попадают туда, куда надо.

— Станислав Андреевич, — сказала она, остановившись.

— Вы сменили замок тридцатого декабря.

— Сменил.

— Кто приезжал?

— Двое. Один лет пятидесяти, второй моложе, молчал. Говорил старший. Сказал: у Антона Петровича долг, склад в обеспечении. Я сказал: мне ничего не известно. Он сказал: узнаете. И уехал.

— Номер машины?

— Не смотрел. — Он помолчал. — Вру. Смотрел. Сто со-
роковой, чёрный, цифры не запомнил, я не думал, что надо.

— А второй раз они приезжали?

— Нет.

— Почему вы не пустили их?

Прораб вытер руки о куртку, посмотрел на Майю, потом на Киру Андреевну.

— Потому что двадцать седьмого декабря Антон мне позвонил, — сказал он. — Вечером, часов в восемь. Сказал: Слав, школа приостановлена, я занял денег, если со мной что — материалы не дай растащить. Я говорю: ты чего. Он говорит: я к весне разрулю, а материалы — это семь миллионов, они мне не нужны, они ей нужны. И всё.

Он замолчал.

— Больше я его не слышал, — сказал он. — Двадцать восьмого в десять он упал.

Майя закрыла лицо рукой, но не заплакала. Она стояла так секунд двадцать, потом опустила руку и выпрямилась, и я подумал, что за две недели в этом бюро я видел уже четвёртую женщину, которая не плачет при людях, и что это не про силу, а про то, что плакать некогда.

— Он сказал «если со мной что»? — спросила Кира Андреевна.

— Сказал.

— Вы не удивились?

— Удивился. Спрашиваю: ты чего, Антон. Он говорит: го-

лова болит третий день, я в декабре лягу. Не лёг.

Она записала.

— Станислав Андреевич, вам нужно будет написать это своей рукой. Двадцать седьмое декабря, восемь вечера, звонок, дословно что он сказал и что сказали вы.

— Напишу.

— И ещё. — Она закрыла блокнот. — Сколько вы здесь были с декабря по март?

— Каждый день, кроме воскресений. Сначала жил тут, потом нет.

— Почему перестали?

— Потому что платить за охрану нечем, а спать в ангаре в феврале можно один раз, чтобы понять, что нельзя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.